

Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku w przekładzie i opracowaniu HENRYKA JANKOWSKIEGO i CZESŁAWA ŁAPICZA. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie DIALOG, 2000, 256 s. ISBN 83-88238-33-7.

История изучения славяноязычной арабскоалфавитной письменности (XVI–XX вв.) литовских татар складывалась так, что после первого упоминания о ней Х. Фляйшером [1838, 450–451] до описания первой рукописи [Станкевич, Таўэрава 1923] прошло 85 лет. В дальнейшем интерес к этим памятникам то возрастал, то вновь ослабевал, см. обзор литературы по теме в [Miškinienė 2001, 29–41, 96–107]. Изучение их, во-первых, до публикации монографии А. Антоновича [1968] было затруднено отсутствием принципов транслитерации арабскоалфавитных текстов, а во-вторых, содержание большинства рукописей (так наз. *китабов*) было практически непонятным, так как переписанные в них тексты являются в основном компиляцией из разных мусульманских и христианских источников. Учитывая последнее, можно утверждать, что дальнейший прогресс в изучении китабов крайне затруднителен без их переводов на современные языки. По этой причине публикация на польском языке текста так наз. *Китаба Милькамановича* (XVIII в.), предпринятая известными учеными, проф. Торуньского университета Ч. Лапичем и проф. Познаньского университета им. А. Мицкевича Г. Янковским, представляется актуальной и своевременной.

Общее название книги — *Ключ к раю* — заимствовано авторами из первой фразы самого памятника (с. 7). Переводу предшествует обширное “Введение” (с. 9–46), в котором дано палеографическое описание *Китаба* (с. 9–11), рассмотрен вопрос о его датировке (с. 11–13), оговорены возможные мусульманские и христианские источники (с. 20–24), подробно описано содержание и структура памятника (с. 29–38), а также обсуждены принципы перевода как славянских, так и ориентальных фрагментов китаба (с. 38–42). Список использованной авторами литературы включает около 110 позиций (с. 49–57).

Основной объем книги занимает перевод рукописи на современный польский язык (с. 57–239). Текст перевода сопровождается многочисленными авторскими примечаниями, что позволяет читателю любой степени подготовленности лучше ориентироваться в стилистически и хронологически разнородных фрагментах, вошедших в состав памятника.

Особого внимания как славистов, так и востоковедов заслуживают индексы арабских, персидских и турецких выражений (с. 239–249), восточных наименований, топонимов и этнонимов (с. 249–256), которые представлены как в формах, употребленных в рукописи, так и в их исходной (арабской, персидской и турецкой) форме.

В разделе, посвященном принципам перевода (с. 38–42), авторы указывают, что перевод славяноязычных арабскоалфавитных памятников является непростой задачей, так как содержание текстов трудно воспринимается в силу их религиозного содержания, архаичности лексики, а также графических и синтаксических особенностей. Структура собранных в китабах текстов, их синтаксические особенности, лексико-грамматические конструкции и их наполнение соответствовали определенному стилю речи. По своему опыту знаем, что в арабскоалфавитных рукописях изначально имеется два слоя искажений, допущенных при переводе: а) с арабского на турецкий язык и б) с турецкого на белорусский или польский языки. Наконец, использование арабской графики

способствовало появлению и еще одного слоя искажений — графических, а источником последующих искажений было непонимание переписчиками содержательных и стилистических особенностей текстов.

Ч. Лапич и Г. Янковский осуществили филологический перевод рукописи, стараясь как можно точнее сохранить в переводе особенности языка и дух оригинала. По этой причине им пришлось балансировать на границе между созданием *понятного* текста и текста *на современном польском языке*. На наш взгляд, им полностью удалось и одно, и другое. Благодаря обширному комментарию, сопутствующему всему переводу, фактически не осталось мест для разночтений.

Восточная терминология и отдельные вкрапления на арабском, персидском и турецком языках даны в транслитерации и переведены прямо в тексте. Такой перевод обозначен фигурными скобками {...}. Первая фиксация неславяноязычных фрагментов текста сопровождается исчерпывающим филологическим комментарием, в котором указанные слова и выражения не только соотнесены с их словарными эквивалентами, но и отмечены особенности их употребления в рукописи. Так как многие слова и выражения религиозного характера часто повторяются из рукописи в рукопись, то проделанная Ч. Лапичем и Г. Янковским работа может служить ценнейшим справочным пособием для других исследователей в данной области.

При расшифровке трудночитаемых фрагментов авторы книги привлекали к работе доступные рукописи *китабов* и *хаманлов* (с. 49–50). Если в тексте *китаба* Милькамановича цитировались аяты (стихи) Корана, то они сравнивались с аналогичными местами рукописных Коранов, а при наличии больших расхождений между сравниваемыми текстами авторы обращались к каноническому тексту Корана в переводе Й. Белявского [с. 41], на что указывалось в сносках. Такой подход позволяет использовать перевод Корана Й. Белявского в сопоставительных работах по *китабистике*.

Фрагменты славянских текстов, не переведенных на польский, авторы транслитерировали по принципам, ранее предложенными Ч. Лапичем, несколько модифицировавшим систему знаков, использованных в указанной выше работе А. Антоновича; в ориентальных фрагментах научная транскрипция используется только в тех случаях, когда, по мнению авторов, существует необходимость в отсылке к исходным формам слов и выражений; в самом же переводе ориентальные слова, словосочетания и предложения записаны в польской фонетической транскрипции, “точнее, так, как сами татары записывают свои тексты с помощью польской графики” (с. 43). Что же касается передачи звучания ориентальных имен собственных (*антропонимов*, *этнонимов*, *топонимов*), то авторы отмечают, что ни один из указанных выше типов транслитерации не является удовлетворительным для этой цели, и потому они вынуждены были разработать целую систему принципов для их транскрипции. Самым интересным здесь является то, что они опирались на фонетические записи молитв и произношения ориентальных терминов нескольких татар (из Литвы и Беларуси) (с. 45). Использование такого рода материалов представляет собой несомненное новшество в *китабистике* и открывает новые перспективы и возможности в исследованиях языка арабскоалфавитных рукописей в целом.

Таким образом, предлагаемый авторами перевод рукописи на современный польский язык является одновременно своеобразной филологической интерпретацией ее текста, которая позволяет читателю ближе познакомиться с особенностями содержания и композиции подобных памятников и способствует

выявлению “темных мест” в славянском оригинале. Он готовит читателя и исследователя к целостному восприятию оригинального текста со всеми особенностями его структуры и содержания.

При исследовании славяноязычных арабскоалфавитных рукописей большое значение имеет описание их объема, содержания и структуры, поскольку оно помогает очертить круг тем и вопросов, интересовавших литовских татар, и оценить степень (не)однородности составляющих их текстов. Как показывает знакомство с содержанием многих Kitabов, их объем, подбор материала и его расположение в большинстве случаев бывает разным. Все это, как правило, зависело от переписчика или составителя рукописи, а также от ее заказчика.

В каждой из рукописей можно выделить три основных тематических круга: 1) религиозный (фрагменты из Корана, молитвы, объяснения, касающиеся доктрины ислама); 2) обрядовый (имянаречение, похороны, пост); 3) нравоучительный (дидактические повести, диалоги пророков с Богом, поучения). Главное место занимает, конечно, кораническая доктрина ислама, которой подчинено все повествование и которая является связующим звеном всех историй, наставлений и поучений.

Иногда на полях рукописей переписчики помечали сюжеты, которые вошли в состав того или иного сборника. Как отмечают авторы рецензируемой книги, такие пометы не всегда соответствуют смысловому наполнению отрывка (с. 30). Только полная транслитерация текста и условное деление его на темы помогают не только сравнить каждый фрагмент с ему подобным по содержанию, но и соотнести его с возможным источником. Таким образом тексты подготавливаются к текстологическому анализу.

В Kitabе Милькамановича авторами условно выделено 80 тем (с. 33–35), каждая из которых занимает от одного до нескольких десятков страниц рукописи. К наиболее обширным темам относятся:

(2) *Третье объявление пророка Мухаммеда*, так наз. *wiesujet* [(с. 2–15]; здесь и далее в крутых скобках перед заглавием указан номер темы по списку авторов, а после названия темы в квадратных скобках — страницы рукописи Kitabа);

(9) *Основы, техника, виды и условия амовений; генезис амовений; милость Бога и польза для верующих, соблюдающих ритуальную чистоту* [с. 32–46];

(12) *Генезис молитв, их разновидности, предназначение и способы их произношения* [с. 51–63];

(22) *Сура Ясень, ее генезис и благодатные свойства* [с. 103–117];

(23) *Тысяча имен Бога* [с. 117–128];

(24) *Повествование об обращении двух язычников учениками Иисуса; история Хабиб Неджджара* [с. 128–141];

(29) *Описание дня Страшного суда из разных источников, в том числе история Пахлул Дивана* [с. 161–197];

(42) *Как умирает мусульманин и как умирает кафирин* [с. 247–270];

(43) *Последние дни жизни, смерть и похороны пророка* [с. 270–294];

(49) *Повесть Мухаммада и о Мухаммеде* [с. 307–319];

(55) *Благовещение, рождение и жизнь Иисуса* [с. 336–349];

(62) *Смерть и похороны Адама* [с. 377–398];

(78) *Повесть о Сабиге Шице* [с. 508–538].

Другие темы занимают от 1 до 10 страниц рукописи, это такие как:

(3) *Литания, форма молитвы, так наз. ziekir* (с. 15);

(5) *Вопросы джамиата и ответы* (с. 17–18);

Как видим, материалы книги *Ключ к раю*, несомненно, представляют собой подготовленную базу данных для сопоставительных исследований на уровне содержания и композиции славяноязычных арабскоалфавитных текстов, созданных литовскими (литовско-польскими) татарами в течение нескольких столетий. Тем самым переведенный текст китаба Милькамановича включается в круг уже известных и доступных исследователям рукописей подобного содержания. Учитывая высокопрофессиональный уровень перевода памятника, а также исключительно информативный комментарий к нему, можно утверждать, что издание выполнено на очень высоком уровне и представляет важную веху в истории изучения арабскоалфавитных рукописей литовских татар.

В заключение следует подчеркнуть, что для специалистов, занимающихся проблемами письменности Великого княжества Литовского и особенно вопросами сопоставительного анализа подобных рукописей, явно недостает транслитерированного текста оригинала. Во “Введении” авторы информируют, что такое издание с переводом на английский язык в ближайшее время будет осуществлено, поэтому остается только пожелать им успеха в осуществлении этого проекта и надеяться на скорый выход книги в свет.

ЛИТЕРАТУРА

- Александровіч-Мишкінене Г., 1994: Кітаб з фондаў Казанскага Універсітэту (№ 1446), *Запісы*: Беларускі інстытут навукі й мастацтва, т. 21. New York, 76–111.
- Антонович А., 1968: *Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система*. Вильнюс.
- Станкевіч Я., Таўэрава М., 1923: Аль-кітаб, *Крывіч*, № 2. Коўна, 70–78.
- Fleischer H.O., Delitzsch F., 1838: *Catalogus librorum manuscriptorum*. Grimal.
- Miškinienė G., 2001: *Seniausie Lietuvos totorių rankraščiai*: Grafika, transliteracija, vertimas, tekstų struktūra ir turinys. Vilnius.

E-mail: vytogas@delfi.lt

Галина Мишкинене
Вильнюс